

УДК 281.93

Протоиерей Александр Романчук

**К вопросу о преследованиях униатского духовенства в ходе общего
воссоединения униатов с православными в 1839 году**

Аннотация

В статье рассматривается проблема применения мер строгости в отношении униатского духовенства в ходе подготовки упразднения Униатской Церкви в пределах Российской империи в 1830-е годы. Рассматривается вопрос о том, в чем эти меры состояли. Делаются выводы о месте мер строгости среди других действий, направленных на воссоединение униатов с православными, а также масштабах их применения.

Ключевые слова: воссоединение униатов с православными, меры строгости, Полоцкий Собор 1839 года, репрессии, униатское духовенство, Уния.

Для Русской Православной Церкви воссоединение белорусско-украинских униатов, совершившееся на Полоцком Соборе униатского духовенства в 1839 г., явилось самым значительным единовременным приобретением за всю тысячелетнюю историю ее существования. Для белорусского народа это событие стало одним из важнейших в XIX веке, поскольку на десятилетия определило путь его религиозного и национально-культурного развития. Воссоединение униатов в Российской империи в 1839 г. отличалось тем, что оно носило организованный массовый характер, строилось на иерархическом принципе и совершалось в тесном взаимодействии представителей греко-католического священноначалия и высокопоставленных правительственных чиновников. Инициатива разрыва Брестской унии шла не «снизу» – от народа и духовенства, как было на украинских территориях в конце XVIII в., а «сверху» – от униатского епископата и правительства. Такой подход, конечно, привел к несогласию с совершающимся разрывом Брестской унии со стороны какой-то части униатских священнослужителей. Оценка числа униатских духовных лиц, пожелавших сохранить верность католичеству, а также характеристика мер, применяемых к ним в процессе подготовки воссоединения и в период его реализации, остаются актуальными до сих пор.

Католические историки насчитывают за все годы подготовки воссоединения от 92¹ до 106² униатских священнослужителей, наказанных за верность своему

¹ Radwan, M. Carat wobec kościoła greckokatolickiego w zaborze Rosyjskim 1796–1839 / M. Radwan. – Roma; Lublin : Polski instytut kultury chrześcijańskiej, 2001. – S. 171.

² Dobrzyński, Z. Prawosławni a grekokatolicy w dawniej Polsce : 2 cz. / Z. Dobrzyński. – Warszawa, 1992. – Cz. 2. – S. 64–65.

вероисповеданию тюремным заключением, каторжными работами, ссылкой в Сибирь и проч. Это не соответствует действительности.

Прежде всего, нужно заметить, что, согласно документальным свидетельствам, в процессе подготовки и совершения воссоединения никто из униатских священников и монахов не подвергался ни гражданскому административному, ни уголовному преследованию. Все действия в отношении представителей греко-католического клира, не согласных принять православие, предпринимались не государственными властями, а униатским епархиальным начальством в рамках церковных канонов и традиций. Вот почему нельзя согласиться с теми историками, которые связывают упразднение Брестской унии в Российской империи с репрессиями униатского духовенства. В чистом виде ни преследования за убеждения, ни репрессии не применялись. В то же время нельзя отрицать, что определенному воздействию представители греко-католического клира все-таки подвергались.

В ходе реализации проекта общего воссоединения униатов можно выделить две волны несогласия священнослужителей со сближением унии и православия. Они были вызваны разными причинами и разделены географически и хронологически.

Первые волнения униатских духовных лиц имели место в связи с введением в литургический обиход Униатской Церкви православной богослужебной литературы. Эта волна прошла в 1834–1835 гг. в некоторых благочиниях Литовской епархии и не коснулась духовенства Белорусской епархии. Отказались использовать православные служебники в этот период 57 священников, из которых твердость проявили только двое. Вторая волна поднялась в 1838–1839 гг. в связи со взятием от священников

з Литовской грекоунитской консистории, от 18 сентября за № 483, о помещении на епитимию в Вольнянский монастырь священников Любчанского, Плавского, Новогрудского, Дылевского и Ведзьмянского, Горбацевича за их злонамеренные действия и интриги // Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора (далее ЗИМЛ): в 3 т. / митрополит Иосиф (Семашко). – Санкт-Петербург : Типография императорской Академии Наук, 1883. – Т. 3. – С. 87 ; Литовской грекоунитской консистории, от 21 ноября за № 653, о переводе священников Плавского, Дылевского и Горбацевича для окончания епитимии из Вольнянского в Бытеньский монастырь // ЗИМЛ. Т. 3. С. 120 ; Министру внутренних дел Д. Н. Блудову, от 26 июня за № 386, с мнением о поступившей к нему просьбе священника Дылевского, не принявшего московского служебника // ЗИМЛ. Т. 3. С. 169–170 ; Литовской духовной консистории, от 8 июля за № 405, о немедленной высылке священника Адама Плавского к дьячковской должности в Могилевскую губернию // ЗИМЛ. Т. 3. С. 172–173 ; Виленскому военному губернатору князю Долгорукому, от 11 июля за № 419, о доставлении полицейской помощи в высылке священников, не принявших московского служебника, к причетническим местам // ЗИМЛ. Т. 3. С. 177–178; Литовской грекоунитской консистории, от 20 сентября за № 621, о низведении в причетники священника Червинского за наущение других священников не повиноваться начальству и о вызове в Жировицы священников Луцкого деканата, не принявших московского служебника // ЗИМЛ. Т. 3. С. 204–205; Литовской грекоунитской консистории, от 15 октября за № 693, о низведении в причетники восьми священников Лидского деканата, не принявших московского служебника от визитатора Тупальского // ЗИМЛ. Т. 3. С. 222–223; Литовской грекоунитской консистории, от 10 апреля за № 363, о вызове в Жировицы Солтановского священника Коленды, соглашающегося уже на принятие московского служебника // ЗИМЛ. Т. 3. С. 269–270.

з Литовской грекоунитской консистории, от 17 сентября за № 606, о возвращении к Чемеровскому приходу священника Имшеника, принявшего уже московский служебник // ЗИМЛ. Т. 3. С. 202; Литовской грекоунитской консистории, от 19 сентября за № 616, о вызове в Жировицы священника Иоанна Кунаховича для лучшего удостоверения о его раскаянии в неприятии московского служебника // ЗИМЛ. Т. 3. С. 203–204 ; Литовской грекоунитской консистории, от 16 октября за № 700, о том, чтобы

подписок об их желании присоединиться к Православной Церкви в любое время и в связи с самим Полоцким Собором. Эта волна прокатилась среди духовенства Белорусской кафедры: 111 священников Витебской, Минской и Могилевской губерний, подписавших протест против упразднения Унии⁴, – и лишь немного задела клириков Литовской епархии: 15 священников Белостокского благочиния.

Чтобы разобраться в проблеме возникновения проекта общего воссоединения униатов с православными и сопротивления ему со стороны униатских духовных лиц, нужно обратить внимание на следующее. Представление о том, что упразднение Униатской Церкви в 1839 г. было делом правительства Российской империи, опиравшегося на ренегатов из числа греко-католического клира, неверно. Инициатива воссоединения униатов с православными исходила из среды наиболее образованной и энергичной части униатского духовенства, представители которой и занимались непосредственной реализацией сближения Униатской и Православной Церквей в 1830-е годы. Появление воссоединительного проекта стало возможным из-за обострения эклезиологического противоречия, которое несла в себе Уния, подписанная в декабре 1595 г. в Риме между Католической Церковью и двумя епископами Киевской митрополии Константинопольского патриархата. Дело в том, что в 1590-е годы западнорусские епископы, согласные на подчинение Риму, мыслили Унию как федеративный союз Церквей, нужный для оздоровления и совершенствования церковной жизни Киевской митрополии. В противоположность этому католическая сторона рассматривала Унию как включение Западнорусской Церкви в общую массу Католической Церкви под не слишком важным для религиозного спасения условием продолжения практиковать восточный обряд⁵. Указанное эклезиологическое противоречие несло в себе постоянную угрозу для Унии. В сообществе униатов в

прежде увольнения из Жировиц удостовериться в истинном раскаянии священника Милинского, согласившегося уже принять московский служебник // ЗИМЛ. Т. 3. С. 222–223; Литовской грекоунитской консистории, от 26 февраля за № 165, о назначении епитимии раскаявшемуся и принявшему московский служебник священнику Антонию Виторскому // ЗИМЛ. Т. 3. С. 258; Литовской грекоунитской консистории, от 10 апреля за № 363, о вызове в Жировицы Солтановского священника Коленды, соглашающегося уже на принятие московского служебника // ЗИМЛ. Т. 3. С. 269–270; Литовской грекоунитской консистории, от 11 мая за № 445, о назначении бывшему Пухловскому священнику Малешевскому епитимии за прежнее его поведение и упорство в принятии служебника московской печати // ЗИМЛ. Т. 3. С. 277.

³ В грекоунитскую коллегию, от 1 марта за №183, с донесением о лицах грекоунитского духовного ведомства, присоединившихся к православию с 1833 г. // ЗИМЛ. Т. 3. С. 259–260.

⁴ Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (РГИА). Фонд 796. – Оп. 205. – Д. 291. – Л. 34–34 об.; сравн.: Киприанович Г. Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западнорусских униатов с православною церковью в 1839 г. / Г. Я. Киприанович. – изд. 2-е испр. и доп. – Вильна : Типография И. Блюмовича, 1897. – С. 177.

⁵ Галадза, П., священник. Літургічне питання і розвиток богослужень напередодні Берестейської унії аж до кінця XVII століття / священник П. Галадза // Берестейська унія та внутрішнє життя Церкви в XVII столітті: матеріали Четвертих Берестейських читань, Львів, Луцьк, Київ, 2 – 6 жовтня 1995 р. / ред. Б. Гудзяк. – Львів : Інститут Історії Церкви Львівської Богословської Академії, 1997. – С. 5–6 ; Пері, В. Берестейська унія у римському баченні / В. Пері // Історичний контекст, укладення Берестейської унії і перше поунійне покоління: Матеріали Перших «Берестейських читань». – Львів, 1995. – С. 19 ; Об этом же см. : Дмитриев, М.В. Между Римом и Царьградом: генезис Брестской церковной Унии 1595–1596 гг. / М.В. Дмитриев. – Москва : Издательство Московского университета, 2003.

любой момент могло появиться мнение, согласно которому союз с Римом стал вреден, то есть перестал способствовать дальнейшему развитию церковной жизни белорусов и украинцев. Именно это и произошло в конце 1820-х годов. Проект общего воссоединения, предложенный прелатом Иосифом (Семашко), заключал в себе представление, согласно которому дальнейшее существование Унии не оправдано с религиозной точки зрения и ведет к денационализации восточнославянского населения⁶.

Мотивация проекта Семашко была с пониманием воспринята в кругах противников латинизации и полонизации Унии, консолидировавшихся и активизировавшихся в результате подчинения униатских епархий власти латинского митрополита в правление императора Павла I в 1798 г.⁷ Это понимание и одобрение стали залогом успешности реализации воссоединения. В то же время сближение униатов с православными проходило в условиях крепостной зависимости значительной части униатской паствы от помещиков-католиков, сохранения господства в белорусско-литовских губерниях полонизма и католичества латинского обряда. К тому же оно сопровождалось непоследовательностью и колебаниями правительственной политики, которая то замедляла, то неоправданно ускоряла осуществление проекта воссоединения⁸. Эти обстоятельства и вызвали в среде униатского духовенства непонимание происходящего, а в некоторых случаях и несогласие с совершившимся разрывом союза с Римом. При этом, как уже было сказано, униатские иерархи, стремившиеся к упразднению Унии, рассматривали его как разрыв союза, мешающего нормальному развитию церковной жизни. Устранение этого препятствия требовало от них перенаправления деятельности подчиненного духовенства средствами, входящими в их архипастырские полномочия, поэтому акты несогласия со стороны некоторых униатских священников рассматривались епархиальной властью в качестве неповиновения выбранному иерархией общецерковному курсу и нарушения церковной дисциплины, а не квалифицировались как государственные правонарушения.

Итак, водворением спокойствия среди униатских духовных лиц и в 1834–1835 годах, и в 1838–1839 годах занимался униатский епископат. В его составе, за исключением митрополита Иосафата (Булгака) и викария Литовской епархии епископа Пинского Иосафата (Жарского), после 1834 года находились люди, уверенные в необходимости разрыва Брестской унии. В качестве основного средства воздействия на

⁶ Романчук, А., протоиерей. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности / протоиерей А. Романчук. – Москва–Минск : Издание Общества любителей церковной истории, 2015. – С. 250–313.

⁷ Полное Собрание Законов Российской Империи (далее ПСЗРИ) : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года : в 48 т. – Санкт-Петербург : Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 25. – № 18503. – С. 222 ; Там же. № 18504. С. 222–224 ; ПСЗРИ : собр. 1. Т. 26. № 19595. С. 338 ; Там же. № 19706. С. 486.

⁸ Об этом см. : Романчук, А., протоиерей. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности.

подчиненных священников они использовали метод убеждения и увещания. В то же время в некоторых случаях разговоров было недостаточно.

В польской католической и белорусской националистической литературе, помимо тюремного заключения и ссылок, репрессиями в отношении упорного в католических убеждениях униатского духовенства называют: 1) вызовы священников в Жировичский монастырь для изучения правильного восточного чина богослужения (якобы там они подвергались моральному давлению и угрозам); 2) переводы на другие приходы; 3) временное отстранение от священнических обязанностей с переводом на причетнические должности; 4) помещение на епитимию в один из униатских монастырей на некоторый срок или до раскаяния; 5) высылки в российские губернии.

Первую меру – вызовы священников в Жировичи для обучения правильному совершению богослужения по восточному обряду – никоим образом нельзя назвать наказанием. Представителям белого приходского духовенства не хотелось туда ездить из-за дальности дороги и нежелания отрываться от хозяйственных забот. Но это вопрос церковной дисциплины. Обучение в Жировичах, которое прошли более восьмисот клириков Литовской епархии, было настолько репрессивной мерой, насколько таковой являются курсы повышения квалификации, к примеру, врачей или учителей, тем более что никакого морального давления священники в Жировичах не испытывали. С ними велись доброжелательные и уважительные беседы. «Каких глубоких соображений, – свидетельствует протоиерей Плакид Янковский, сам участвовавший в работе со священниками по благословению епископа Иосифа (Семашко), – каких напряженных трудов, каких утомительных индивидуальных мер, какого бесконечного разнообразия в их применении, какой снисходительности к слабостям, какого вещего чутья к недоразумениям, какой нежности вообще, такта и дара внушения требовалось здесь на каждом шагу в отношении этих людей, незлобивых и непредубежденных, но ссылавшихся постоянно то на завет отцов, то на присягу, отобранную у них при рукоположении, то, наконец, на необходимость соборного авторитета, которому они готовы заранее и беспрекословно подчиниться»⁹.

Следующие три меры также нельзя охарактеризовать как репрессивные. Они принадлежат обычной практике епархиального начальства, широко используются в наши дни и ни у кого не ассоциируются с репрессиями. Это меры строгости, призванные заставить ослушавшихся священников задуматься над своим поведением, в идеале должны вести к раскаянию и восстановлению послушания. Именно в таком смысле они применялись в процессе подготовки воссоединения к тем, кто проявлял дерзость и неповиновение, отказывался исполнять предписания епархиального

⁹ Янковский, П., священник. Записки сельского священника. Минск: Свято-Петропавловский собор, 2004. С. 157.

начальства – восстановление греческих обрядов, принятие православных богослужебных книг¹⁰. Практически во всех случаях неповиновение священников было вызвано нежеланием переучиваться, страхом потерять благосклонность помещиков-католиков, а не глубокими убеждениями. Как правило, после первого же прещения священники меняли мнение, не в последнюю очередь стремясь угодить начальству. Некоторым на это требовалось время, но результат был тот же¹¹.

В архивных документах удалось выявить фамилии священников обеих униатских епархий, к которым в 1835–1839 гг. были применены указанные три вида мер строгости, направленные на убеждение священников проявить послушание епископату: Плавский Адам, Горбацевич Антоний, Дылевский Ипатий, Виторский Михаил, Савич Геден, Марциновский Игнатий, Горбацевич Фома, Горбацевич Виктор, Горбацевич Юлиан, Коленда, Имшеник, Вержбицкий, Кунихович, Кульчицкий, Мицевич, Шолгини, Милинский¹², Хруцкий Игнатий, Хруцкий Иоаким, Довгялло Антоний, Голынец Григорий, Гринкевич Михаил, Игнатович Ян, Клодницкий Станислав, Корзун Антоний, Левицкий Даниил, Лаппо Иосиф, Лосский Иоанн, Лосский Михаил, Маковецкий Петр, Манцевич Флориан, Моравский Ян, Можальский Винцент, Нарбут Иосиф, Обух Ян, Плесчинский Стефан, Преперский Иосиф, Ржецкий Кароль, Самович, Стратанович Григорий, Стульчинский Протасий, Щербинский Ян, Жиркевич Иустин, Богданович Павел, Булгак Каллист, Чабановский Фома, Гнито Адам, Игнатович Ян, Ивановский Николай, Ельяшевич Григорий, Котович Мелетий, Лаппо Ян, Маковецкий Иосиф, Марковский Захарий, Никонович Андрей, Никонович Иаков, Перебилло Пий, Точицкий Ян, Воеводский Люциан, Косакевич Иасон, Ельяшевич Григорий¹³.

¹⁰ Как правило, на покаяние священников помещали в следующие униатские монастыри: Вербиловский, Тадулинский, Любарский, Тригурский, Оршанский (РГИА. Фонд 796. Оп. 205. Д. 291. Л. 6–7). Это не было тюремным заключением. Священники находились на содержании монастырей и исполняли обычные богослужебные обязанности.

¹¹ В этом отношении показательным является пример священника Адама Плавского, однокашника митрополита Иосифа (Семашко) по Главной католической семинарии при Виленском университете. Плавский выступил одним из зачинщиков протеста 57 священников Новогрудского деканата против введения в униатское богослужение православных службников, имевшим место в 1834 г. Он был переведен на причетническую должность и помещен до раскаяния в Вольнянский, а затем Бытеньский монастырь. Однако эти меры не заставили его изменить свои взгляды. Кроме того, он постоянно пытался склонить на свою сторону других священников. Чтобы его действия не привели к соблазну согласных на воссоединение священнослужителей Плавский 9 февраля 1839 г. был отправлен на свободное поселение в Смоленскую губернию. Там он, обдумав свое положение, согласился на Православие и 28 апреля 1840 г. был назначен на приходское послушание в Мстиславском благочинии. В 1851 г. А. Плавский скоропостижно скончался, будучи настоятелем Белавичского прихода Литовской епархии (РГИА. Фонд 797. – Оп. 6. – Д. 22984. – Л. 11–19 об. ; РГИА. Фонд 797. – Оп. 6. – Д. 22984. Л. 27 ; Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского, и воссоединение западнорусских униатов с Православною Церковию в 1839 г. С. 120–122 ; Radwan, M. Carat wobec kosciola greckokatolickiego. S. 162).

¹² РГИА. Фонд 797. – Оп. 6. – Д. 22984. – Л. 2 об–3, 24, 27.

¹³ РГИА. Фонд 797. – Оп. 7. – Д. 23496. – Л. 23–23 об. ; РГИА. Фонд 796. – Оп. 205. – Д. 291. – Л. 6, 34–34 об.; сравн.: Radwan, M. Carat wobec kosciola greckokatolickiego. S. 168–169.

Всего этот список состоит из 61 имени. Из него известен один священник, который в 1835 г. решительно отказался принимать православную богослужебную литературу и тем отказался от воссоединения. Это – Ипатий Дылевский. Но он происходил из католиков латинского обряда, после обучения в латинской семинарии принял рукоположение в Унии, поскольку пожелал вступить в брак. Униатского богослужения он вообще не знал¹⁴. После 1835 г. его судьба неизвестна. По всей вероятности, он вышел из состава униатского духовенства.

Наиболее похожей на репрессии была пятая мера – высылка в великорусские губернии. Она применялась к тем духовным лицам, которые не только сами не соглашались принимать православие в 1839 году, но пытались подтолкнуть к тому же своих собратьев и волновали прихожан.

Отправляемых в глубь России либо помещали в специальной обители города Курске – просторном доме с устроенной в нем униатской церковью, либо расселяли в православных монастырях разных губерний, либо предоставляли им право свободного поселения. Здесь нужно заметить, что насельники Курской обители и высланные на свободное поселение содержались на средства Белорусско-Литовской духовной коллегии. Униатские священнослужители, размещенные в православных монастырях, находились на иждивении этих обителей.

В Курскую обитель были помещены 20 священнослужителей:

Архимандрит Ленартович Венедикт, иеромонахи Шахновский Иаков, Соколовский Варфоломей, Проневич Игнатий, Гуторович Николай, Мочарский Иосафат, Краевский Мартинаан, Козакевич Вонифатий, Арматович Фома, Башнянский Игнатий, Лебель Иракий, Стржелецкий Михаил, Сокол Антоний, Заблоцкий Рафаил, Цихоцкий Рафаил; священники Голынец Григорий, Носович Фаддей, Рончевский Адам, Маковецкий Петр, Лавецкий Петр¹⁵.

Были высланы в Черниговскую губернию: Андрушкевич Елисей, Хруцкий Игнатий, Лосский Ян, Лосский Михаил, Мочарский Иосафат, Обух Ян, Стульчинский Протасий – 7 человек.

В Орловскую губернию: Данилевич Аналект, Мацкевич Модест, Прусак Симеон – 3 человека.

В Рязанскую губернию: Долобовский Август, Нарбут Иосиф, Воеводский Люциан¹⁶ – 3 человека.

¹⁴ РГИА. Фонд 797. Оп. 6. Д. 22984. Л. 20; Министру внутренних дел Д. Н. Блудову, от 26 июня за № 386, с мнением о поступившей к нему просьбе священника Дылевского, не принявшего московского служебника // ЗИМЛ. Т. 3. С. 169–170.

¹⁵ Г. обер-прокурору Святейшего Синода графу Протасову (секретно), от 21 июля за № 859, с мнением о закрытии Курской временной обители и размещении проживающего в ней духовенства // ЗИМЛ. Т. 3. С. 666.

¹⁶ РГИА. Фонд 797. Оп. 7. Д. 23496. Л. 23–23 об.

Помимо этого, М. Радван, правда без ссылки на источник, сообщает, что в Вологодскую губернию был выслан иеромонах Николай Ивановский, а во Владимирскую губернию – священник Иосиф Ленчевский. Отыскать в списках высланных во внутренние губернии России эти два имени не удалось. Однако оставшиеся от униатского дела архивные массивы настолько велики, что нельзя с полной уверенностью говорить о полной их проработке, поэтому, доверяя научной добросовестности ксендза Марьяна Радвана, можно признать, что в общей сложности в разные губернии России были высланы не 13, а 15 униатских духовных лиц. Однако и это еще не все. В документах имеются сведения о том, что 9 февраля 1839 г. на свободное поселение в Смоленскую губернию был отправлен священник Адам Плавский, который высказывал несогласие с грядущим воссоединением, начиная с 1834 г.¹⁷ Учитывая это имя, вместе с двадцатью помещенными в Курской обители, число оказавшихся высланными за пределы западных губерний униатских духовных лиц составляет 36 человек.

По представленным спискам видно, что из тех, кто в 1834–1835 гг. не согласился принять православную богослужебную литературу, в 1839 г. в российские губернии оказались высланными тринадцать человек: Воеводский Люциан, Голынец Григорий, Ельяшевич Григорий, Ивановский Николай, Игнатович Ян, Лосский Иоанн, Лосский Михаил, Маковецкий Петр, Мочарский Иосафат, Нарбут Иосиф, Обух Ян, Стульчинский Протасий, Хруцкий Игнатий, Плавский Адам. Отсюда следует, что 48 священников проявили послушание своим епископам в результате увещаний и под воздействием обычных мер восстановления церковной дисциплины. В итоге, общее количество священников, подвергнутых всем видам воздействия составляет 84 человека.

Униатских священников, высланных во внутренние губернии России накануне и в ходе проведения Полоцкого Собора зимой 1839 г., следует считать теми людьми, которые проявили стойкость в католической вере в ее униатском изводе. Всего их было не 92 и не 106, а 36 человек.

Удаление этих священнослужителей из белорусско-литовских губерний было предпринято стремившимся к православию епископатом из следующих соображений: Уния в пределах России перестала существовать. Все бывшие униатские священнослужители после Полоцкого Собора, коль скоро они хотели оставаться в духовном звании, оказались присоединенными к православию вне зависимости от их личных воззрений. Архиепископ Литовский и Виленский Иосиф (Семашко), руководивший Белорусско-Литовской духовной коллегией в 1839–1843 годах, постоянно вникал в образ их мыслей и следил за поведением только с одной целью:

¹⁷ РГИА. Фонд 797. Оп. 6. Д. 22984. Л. 11–19 об.; Там же. Л. 27.

«для их же собственной пользы... дабы мог употребить их к должностям, соответственным их способностям и достоинству»¹⁸. Это означает, что кто-то мог вернуться к приходскому служению или полному исполнению монастырских обязанностей, а кто-то должен был молиться Богу, оставаясь в удалении от мест компактного проживания воссоединенных. При этом никакого препятствия желавшим выйти в светское звание не чинилось. Например, отказались от сана и вышли из духовного сословия иеромонахи Сильвестр Бельский, Вонифатий Тарасевич, Иоанн Овельт, Антоний Волонсевич и Фабиан Мажальский. Кстати, они это сделали не по причине отказа от православия. Как раз православие они приняли. Они не решились остаться в монашеском звании после упразднения Унии, поскольку опасались не выдержать более строгой, чем в базилианском ордене, православной монашеской дисциплины¹⁹. Когда в 1842 г. Курская обитель была закрыта, пятерых иноков (названных выше) вывели в светское звание, семерых перевели в воссоединенные монастыри (т.е. они уже не считались вредными для воссоединенной паствы), а восьмерых разместили в монастырях Курской епархии²⁰.

Таким образом, согласно собранным данным, одна из указанных пяти мер воздействия в процессе движения униатов к православию была применена в отношении 84 униатских священнослужителей. Это несколько не совпадает с данными М. Радвана, который приходит к выводу о том, что в процессе воссоединения пострадали 92 униатских священника и монаха²¹.

В 1839 г. несогласие с воссоединением выразили 36 униатских духовных лиц, что, на первый взгляд, отражает настоящий масштаб сопротивления греко-католических духовных лиц упразднению Унии. На самом деле эта цифра нуждается в коррекции, поскольку некоторые из высланных в дальнейшем пересмотрели свои взгляды.

Представление о реальном количестве униатских клириков, не пожелавших становиться православными, а также об их судьбе в ближайшие годы после Полоцкого Собора можно почерпнуть из чрезвычайно интересного документа, на который современные католические исследователи до настоящего времени не обратили внимания, поскольку он не вписывается в концепцию насильственного обращения униатского духовенства в православие. В российской дореволюционной историографии

¹⁸ Наместнику Тороканского монастыря Иануарию, от 7 января за № 19, с пояснением, как он должен понимать данное ему предписание о неблагонадежных иноках Тороканского монастыря // ЗИМЛ. Т. 3. С. 552.

¹⁹ Святейшему Правительствующему Синоду, от 15 января за № 50, с представлением об увольнении в светское звание иеромонахов Бельского, Тарасевича, Овельта, Волонсевича и Мажальского // ЗИМЛ. Т. 3. С. 554–555.

²⁰ Г. обер-прокурору Святейшего Синода графу Протасову (секретно), от 21 июля за № 859, с мнением о закрытии Курской временной обители и размещении проживающего в ней духовенства // ЗИМЛ. Т. 3. С. 666–667.

²¹ Radwan, M. Carat wobec kosciola greckokatolickiego. S. 171.

этот документ был достаточно подробно рассмотрен протопресвитером Георгием Шавельским²². История его появления интересна сама по себе.

В 1845 г. во время пребывания во Франции министр государственных имуществ П. Д. Киселев получил частное письмо, содержащее список «бедных униатских священников, которые претерпевают величайшие гонения». Оно было составлено в среде польской эмиграции на основании послания священника Ильи Андрушкевича без привлечения каких-либо документов, а потому в нем имели место многочисленные неточности. К сожалению, не обошлось и без подлогов.

По возвращении в Россию П. Д. Киселев инициировал официальное расследование, в результате которого на основании подлинных дел в текущих архивах был составлен реестр униатских священнослужителей, высланных в российские губернии в 1839 г., и описано их положение в 1845 г. Вот этот реестр²³:

Реестр бедных униатских священников, которые претерпевают величайшие гонения	Сведения, почерпнутые из подлинных дел
Арматович, из Литвы, заключен в Нижегородский монастырь	Живет на свободе в Нижнем Новгороде. На содержание ежегодно получает из казны 350 р. асс.
Андрушкевич Илья, коего приложено письмо	На свободе в Курской губернии. На содержание ежегодно получает из казны 350 р. асс.
Багинский, латинский ксендз, в Нерчинске в большой бедности	В униатском духовенстве не состояли
Барановский, францисканский монах 70 лет	
Босяцкий Виктор, в Черниговской губернии	Умер в Нежине в 1843 году, проживая на свободе с получением ежегодного пособия по 350 р. асс.
Баснянский Игнатий, базилианский монах, в Волынской губернии	Баснянского не было, а есть Башнянский, который принял православие и жительство в Волынской губернии в Дерманском монастыре, где и пользуется полным содержанием
Цихоцкий Иосафат, в Киеве	Согласно собственному желанию переместился в Киево-Братский монастырь, от которого и пользуется полным содержанием

²² Шавельский, Георгий, протопресвитер. Последнее воссоединение с Православною Церковию униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.). СПб., 1910. С. 370, 374–375.

²³ РГИА. Фонд 797. – Оп. 87. – Д. 30. – Л. 4–13.

<p>Цеплинский Терентий, в Орловской губернии в г. Брянске содержится в заключении уже 17 лет</p>	<p>Цеплинского не было, а есть Терентий Чаплинский, на свободе в Орловской губернии. Он избрал для жительства г. Брянск и получает ежегодно из казны по 350 р. асс. Чаплинский содержался в монастыре по военно-судебному делу за дерзость и сопротивление распоряжениям правительства в 1831 году по поводу участия почаевских базилиан в польском мятеже.</p>
<p>Хруцкий Игнатий, униатский священник, в Черниговской губернии</p>	<p>По принятии православия проживает в Витебской губернии, где состоит приходским священником в Дрисненском уезде</p>
<p>Данилевич, в Саратове. Говорят, что он получает пенсию от правительства и что ему позволено исповедовать римско-католическую веру, но он не может выехать из Саратова</p>	<p>На свободе и по желанию его пребывает там, где есть римско-католическая церковь, поселился в Саратове с получением ежегодно на содержание из казны 350 р. асс.</p>
<p>Галинский, в Перми</p>	<p>По военно-судебному делу, вследствие бывшего в 1831 г. польского мятежа, приговорен к заключению в монастыре по Высочайше утвержденному докладу генерал-аудитора и отправлен в Козловский Троицкий монастырь Тамбовской епархии</p>
<p>Прусак, в Перми</p>	<p>На свободе в Казани с получением ежегодного содержания 350 р. асс.</p>
<p>Гас Карл, в Нерчинске</p>	<p>В униатском духовенстве не состоял</p>
<p>Гуторович Николай</p>	<p>На свободе и по желанию его проживает там, где есть римско-католическая церковь. На содержание получает ежегодно из казны 350 р. асс.</p>
<p>Гринцевич, в Саратове</p>	<p>На свободе. Согласно желанию проживает в Саратове. Содержание получает ежегодно из казны 350 р. асс.</p>
<p>Яржина Нарцисс, в Иркутске, латинский священник</p>	<p>В униатском духовенстве не состояли</p>
<p>Юдзинский, в Енисейске</p>	
<p>Томковид, в Курске</p>	<p>На свободе. Согласно изъявленному им желанию проживает в Харькове.</p>

	Содержание получает ежегодно из казны 350 р. асс.
Кобылинский, старый больной ксендз из Домбрович, сослан без суда в Пермь	В униатском духовенстве не состоял
Кассианович , в Мелецком монастыре Волынской губернии	Жительствуют в Западном крае под ведением прежнего своего начальства, от которого не имеется донесений о какой-либо в отношении их перемене
Кассианович , ему дают по 6 руб. серебром в год. Он также в Мелецке	
Крубский, неизвестно, что с ним сделалось	По военно-судебному делу после 1831 г. перемещен из Почаевского в Тригурский монастырь в той же Волынской епархии
Козакевич, в Нижегородской губернии	На свободе в Нижнем Новгороде. Содержание получает ежегодно из казны 350 р. асс.
Копецкий, в Тригурии	Умер в 1843 г.
Корзун, в Черниговской губернии	На свободе в Чернигове. Содержание получает ежегодно из казны 350 р. асс.
Концевич Иосафат, в Любаре на Волыни	В Тороканском монастыре Литовской епархии, где пользуется полным содержанием.
Климантович, в Любаре	В любарском монастыре на содержании. В 1841 г. нанес жестокие побои наместнику настоятеля
Карпинский, в Вавуличах	На свободе со своим семейством в имении графа Ржевского в Волынской губернии
Лесецкий, переведен из Калуги в Харьков	Лесецкого не было, а есть Лисицкий, который на свободе, по собственному желанию проживает в Полтаве. Содержание получает ежегодно из казны 350 р. асс.
Литинский Варлаам, в Чернигове	На свободе. По собственному желанию проживает в Полтаве. Содержание получает ежегодно из казны 350 р. асс.
Лебель Иракий, Шаргород	Согласно собственному желанию переместился в Шаргородский монастырь Подольской епархии

Ленартович	Умер в 1845 г.
Лавецкий, во Владимирской губернии	Принял православие и находится в губернии Владимирской
Лоцкий, в Чернигове, равно как и отец его	Лосские Михаил и Иоанн, сын Михаила, приняли православие, жительствоуют в Витебской губернии, имея должности приходских священников: 1-й в Суражском, а 2-й в Полоцком уездах.
Лоцкий Михаил	Целенаправленное повторение, чтобы увеличить число
Мозикевич, в Волынской губернии	В униатском духовенстве не состоял
Мочарский, в Воронеже	На свободе в Воронеже. Содержание получает ежегодно из казны 350 р. асс.
Маковецкий, во Владимире	Принял православие, жительствоует в Витебской губернии в Дрисненском уезде, где состоит приходским священником.
Манцевич, в Чернигове	На свободе в Чернигове. Содержание получает ежегодно из казны 350 р. асс.
Моисевич, в Чернигове	Такого не бывало ни в Чернигове, ни в других великороссийских губерниях
Никонович, в Литве	Проживал не в Литве, а на Волыни. Переехал в Брянск на вольную квартиру. Содержание получает ежегодно из казны 350 р. асс.
Носевич, в Саратове	Носевича не было, а есть Носович. На свободе в Саратове. Содержание получает ежегодно из казны 350 р. асс.
Обух, в Чернигове	По принятии православия живет в Витебской губернии. Приходской священник в Полоцком уезде.
Павловский, латинский священник в Нерчинске	В униатском духовенстве не состоял
Проневич, в Тамбове	Умер в 1843 г.
Прусак, в Орле	Упомянут вторично
Ренчинский, в Сибири	Есть Рончевский. На свободе в Симбирске. Содержание получает ежегодно

	из казны 350 р. асс. Управляет частным имением.
Шишко, в Енисейске	В униатском духовенстве не состоял
Скивский, в Костроме	По военно-судебному делу 1831 г. заключен в Костромской Богоявленский монастырь, где и пользуется содержанием.
Сокол, в Киеве	По желанию жительствоует в Киево-Михайловском монастыре, от которого пользуется содержанием
Солтановский Игнатий, в Нежине	Есть Иона Солтановский. Принял православие в 1840 г.
Скопинович	В униатском духовенстве не состояли
Шушковский	
Шиманский Николфор, в Чернигове	На свободе в Чернигове. Содержание получает ежегодно из казны 350 р. асс.
Таерновский, в Ярославле	Есть Шаехновский. Живет на свободе в Ярославле. Содержание получает ежегодно из казны 350 р. асс.
Зелинский, в Нерчинске	В униатском духовенстве не состояли
Зелинский, в Томске	
Томковид, в Курске	повторно
Заблоцкий Рафаил, на Волыни	Арестован по подозрению в беспорядках, но вина не доказана и готовится выйти на свободу
Железовский Петр, в Чернигове	Не был ни в Чернигове, ни в губерниях великороссийских

Из этого документа, в котором названо шестьдесят имен, следует, что священники Иона Солтановский, Ян (Иоанн) Обух, Игнатий Хруцкий, Михаил Лосский, Иоанн Лосский, Игнатий Башнянский, Петр Лавецкий, Петр Маковецкий – итого восемь человек – приняли православие и вернулись к монастырским послушаниям или церковно-приходскому служению. После закрытия Курской обители в 1843 г. двадцать человек выбрали свободное поселение с пенсией от российского правительства; двое решили остаться на содержании православных монастырей; один вышел в светское звание и, говоря современным языком, занялся бизнесом. Также из этого списка видно, что четыре священника к 1845 г. скончались, четверо никогда не выслались из белорусско-литовских губерний, двадцать имен принадлежали людям,

никакого отношения к униатскому духовенству не имевшим либо наказанным по военно-судебным делам, относящимся к событиям восстания 1830–1831 гг. Наконец, три имени повторены для увеличения списка. Эти данные говорят о том, что решительно отказались от воссоединения с православием двадцать четыре униатских священнослужителя (если считать выбравших свободное поселение, умерших и вышедшего в светское звание). Избравших жительство в православных монастырях к противникам воссоединения отнести нельзя, поскольку нет сведений о том, исполняли ли они в этих монастырях богослужебные обязанности.

Обращает на себя внимание тот факт, что все священники, выбравшие не проживание в каком-либо православном монастыре, а вольное поселение на частных квартирах в тех городах, которые они сами указали, могли свободно заниматься доходной деятельностью любого рода и вне зависимости от этого получали из казны ежегодное содержание в размере 350 рублей ассигнациями в год²⁴. Двадцать клириков, не пожелавшие расстаться с католичеством, в основном, избрали для жительства те города, где имелись костелы: Чернигов, Полтава, Брянск, Воронеж, Харьков, Симбирск, Нежин, Ярославль, Казань, Саратов, Нижний Новгород. Им никто не препятствовал оставаться католиками и не навязывал переход в господствующее вероисповедание.

Такова была «жестокость» царского правительства. Она особо впечатляет, если вспомнить, что самое большое жалование, на которое мог рассчитывать действующий православный священник в то время, согласно закону «Об обеспечении православного сельского духовенства», вступившему в силу 20 июля 1842 г.²⁵, составляло 250 рублей в год. Можно говорить о применении к упорным униатским священникам и монахам «запрета на профессию». Без сомнения, для них это было тяжело. Однако российское правительство в этом случае не нарушило принцип свободы совести и не устранилось от бремени материального содержания тех, кого оно отрешило от церковного служения.

Наконец, надо отметить, что историки, которые особо подчеркивают насильственные меры в отношении униатского духовенства, попадают в ловушку. Дело в том, что религиозные убеждения являются самой сильной мотивацией нонконформизма. Любой священник знает: его повиновение любым властям простирается только до вопросов вероучения. Далее следует твердость вплоть до мученичества. С Православной Церковью в 1839 г. воссоединились около двух тысяч

²⁴ РГИА. Фонд 797. – Оп. 87. – Д. 30. – Л. 4 об.–11.

²⁵ Высочайше утвержденное положение об обеспечении православного сельского духовенства землями, домами и единовременными пособиями в губерниях: Витебской, Могилевской, Минской, Гродненской, в Ковельском и Овручском уездах Волынской и Белостокской области // ПСЗРИ : собр. 2. Т. 17. Отд. 1, 1842 г., № 15872. С. 771–780; Римский С. В. Конфессиональная политика России в Западном крае и Прибалтике XIX столетия // Вопросы истории. 1998. № 3. С. 27.

греко-католических священников. Если предположить, что их просто запугали, то такое возможно исключительно при том условии, что все они были неверующими, а потому им было безразлично, в каком вероисповедании зарабатывать на хлеб насущный. Бросить в лицо такому количеству белорусских священников обвинение в неверии в Бога, а следовательно, в лицемерии худшего свойства никто не имеет права.

Подводя итог проведенного исследования можно сказать о том, что суммирование всех списков униатских священников, которые были подвергнуты тому или иному воздействию в 1830-е гг. в связи с реализацией проекта воссоединения униатов с православными, является неправомочным. Необходимо указывать властную структуру, которая осуществляла воздействие, классифицировать меры воздействия, рассматривать их последствия, определять степень нарушения ими свободы совести священнослужителей. Без этого озвучивание цифр превращается в инструмент идеологической борьбы и свидетельствует лишь о неизгладимой обиде католической стороны на православие и Российскую империю за понесенное поражение. Несомненно, изучение этой темы необходимо продолжать, оно далеко от завершения. Тем не менее на данном этапе можно говорить о том, что несогласие на воссоединение с православием, подкрепленное некоторой долей исповедничества, выразили 24 греко-католических духовных лица. Согласно архивным данным, собранным М. Радваном, в 1837 г. в Литовской епархии было 673 прихода, 981 священник и 815 473 верующих. В Белорусской насчитывалось 554 прихода, 715 священников и 608 407 верующих²⁶. Число монахов по разным данным колебалось от 228²⁷ до 251²⁸. То есть количество священников и монахов достигало 1947 человек. Из этого следует, что отказавшиеся от воссоединения составляли 1,284% от всех священнослужителей Унии, что заставляет задуматься о жизнеспособности униатского церковного объединения в пределах России в первой трети XIX века и вполне закономерном его исчезновении.

Источники и исследования

Галадза, П., священник. Літургічне питання і розвиток богослужень напередодні Берестейської унії аж до кінця XVII століття / священник П. Галадза // Берестейська унія та внутрішнє життя Церкви в XVII столітті: матеріали Четвертих Берестейських читань, Львів, Луцьк, Київ, 2–6 жовтня 1995 р. / ред. Б. Гудзяк. – Львів : Інститут Історії Церкви Львівської Богословської Академії, 1997. – С. 5–6.

Дмитриев, М.В. Между Римом и Царьградом: генезис Брестской церковной Унии 1595–1596 гг. / М.В. Дмитриев. – Москва : Издательство Московского университета, 2003. – 320 с. – (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 22 ; Сер. II, Исторические исследования: 7).

²⁶ Radwan, M. Carat wobec kosciola greckokatolickiego. S. 185.

²⁷ РГИА. Фонд 797. – Оп. 87. – Д. 18. – Л. 19.

²⁸ Radwan, M. Carat wobec kosciola greckokatolickiego. – S. 140.

Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора: в 3 т. / митрополит Иосиф (Семашко). – Санкт-Петербург : Типография императорской Академии Наук, 1883.

Киприанович, Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. / Г.Я. Киприанович. – изд. 2-е испр. и доп. – Вильна : Типография И. Блюмовича, 1897. – 613 с.

Пері, В. Берестейська унія у римському баченні / В. Пері // Історичний контекст, укладення Берестейської унії і перше поунійне покоління: Матеріали Перших «Берестейських читань». – Львів, 1995. – С.7–25.

Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года : в 48 т. – Санкт-Петербург : Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 25. – 1122 с.

Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года : в 48 т. – Санкт-Петербург : Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 26. – 875 с.

Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание второе. : С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года : в 55 т. – САНКТПЕТЕРБУРГ : В Типографии II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1843. – Т. 17. – Отд. 1, 1842 г. – 915 с.

Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (РГИА). Фонд 796. – Оп. 205. – Д. 291. О воссоединении Греко-Униатской Церкви с Православной. Распоряжения и уведомления обер-прокурора Синода и донесения духовенства Белорусской еп. Епископу Василию о ходе фактического присоединения к православию духовенства и прихожан униатского исповедания о благонадежности униатского духовенства; указ Синода об обозрении западных епархий.

РГИА. Фонд 797. – Оп. 7. – Д. 23496. Об устройстве в городе Курске временной обители для нескольких униатских духовных.

РГИА. Фонд 797. – Оп. 6. – Д. 22984. О противуборстве некоторых греко-унитских духовных введению в унитские церкви свойственного им богослужения, обрядов и книг церкви Греко-Восточной. Адам Плавский, Хруцкий, Дылевский. Тут же и о помещике Голынском.

РГИА. Фонд 797. – Оп. 87. – Д. 18. Рапорты камергера Скрипицына по обозрению им грекоунитской епархии.

РГИА. Фонд 797. – Оп. 87. – Д. 30. По делу о воссоединении униатов: 1) опровержение записки об угнетении упорных униатских священников; 2) опровержение сказки о базилианке Мечиславской.

Римский, С.В. Конфессиональная политика России в Западном крае и Прибалтике XIX столетия / С.В. Римский // Вопросы истории. – 1998. – № 3. – С. 25–44.

Романчук, А., протоиерей. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности / протоиерей А. Романчук. – Москва–Минск : Издание Общества любителей церковной истории, 2015. – 443 с.

Шавельский, Георгий, протопресвитер. Последнее воссоединение с православною церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.) / протопресвитер Георгий Шавельский. – Санкт-Петербург : Тип. «Сельского вестника», 1910. – 380 с.

Янковский, П., священник. Записки сельского священника / священник П. Янковский. – Минск : Свято-Петро-Павловский собор, 2004. – 380 с.

Dobrzyński, Z. Prawosławni a grekokatolicy w dawniej Polsce / Z. Dobrzyński. – Warszawa, 1992. – Cz. 1. – 199 s. – Cz. 2. – 175 s.

Radwan, M. Carat wobec kościoła grekokatolickiego w zaborze Rosyjskim 1796 – 1839 / M. Radwan. – Roma; Lublin : Polski instytut kultury chrześcijańskiej, 2001. – 504 s.

An abstract

Автор, заголовок

The article studies the problem of strong measures against the Uniate clergy in the course of preparation of the abolition of the Uniate Church in the Russian Empire in the 1830-s. It also highlights the issue what those measures were. Conclusions are made about the scale of the measures, as well as their place among all the other steps taken to reunite uniats with Russian Orthodox believers.

Keywords: repressions; strong measures; the Polotsk Church Synod of 1839; the Uniate clergy; the Union of Brest; Uniats' reuniting with Russian Orthodox believers.